

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ОТКУДА-КУДА-ЗАЧЕМ

Пьеса в одном действии из цикла «Кренделя».

г. Екатеринбург

2002 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОНА

ГОЛОСА, возникающие из автоответчика

Где-то в какой-то квартире на каком-то этаже.

Господи, как мне грустно, как мне тоскливо. Я сейчас буду писать о том, что произойдёт скоро. Я знаю, что это произойдёт, потому что много раз было именно так: я садился и писал, я выдумывал всякую глупость несусветную, как мне тогда казалось, а потом эта глупость, эта выдумка, этот маразм становились явью, настоящим, и я никак не мог оттолкнуть от себя мысли о том, что это я сам, сам, сам вызвал Это из небытия, что это я сам, сам, сам написал Это, что это я сам, сам, сам придумал Это, что я сам виноват в Этом, что через меня Это Стало На Свете.

Господи, как тяжело говорить Это, как тяжело. Но Это Хочет Быть. Я - не хочу. Оно идёт и хочет жить. Может быть, в этот раз Это не случится так скоро или случится, но без меня, и не я буду играть главную роль, а кто-то другой (пусть – Он, или пусть – Она, кто угодно, только не я) сыграет её. Надоело мне, надоело мне, надоело, надоело играть всегда главные роли в том, что Хочет Быть. Не хочу больше, не хочу.

Краткое содержание пьесы. Где-то на каком-то этаже в какой-то квартире стоит автоответчик. Хозяйка квартиры похоронила подружку, которую и знать почти не знала, не видела много-много последних лет. И никакой особой дружбы у них не было, просто – одноклассницы были, и всё – Бог мой, когда это было-то, чего помнить об этом?

Но вот Она после её смерти лежит на своей кровати, на своём лежаке, лежит дома много дней, лежит, не двигается, лежит и слушает всех, кто звонит ей на автоответчик. Пьёт, спит, просыпается, снова пьёт, не пьянеет, слушает свой автоответчик. Смотрит в потолок, курит. Молчит, говорит вслух, словно с ума сошла, плачет, молится, чтобы не умирать так скоро, снова молчит, слушает через автоответчик весь свой маленький мир, который каждый день приходит в её квартиру с телефонными звонками, она слушает и - и думает о том, что-то ли она плохо, неправильно живёт, то ли мир сломался, сошёл с ума, перевернулся - мир вокруг неё. Звонит телефон, говорят и говорят голоса из автоответчика – сутками, нескончаемо. «Чего вам надо, чего вам от меня надо, сволочи, чего надо, вы меня уже похоронили, и правильно, меня - нет, нет для вас, подлецы, нет!» - думает она, проклиная весь свет, который вовсе не виноват в том, что случилось.

В квартире стоит стол, стул ...

Впрочем, ну его к чёрту, что там стоит. Опять как всегда долго расписывать (мол, для атмосферы надо) про шкафы, про стул, про стол – надоело, не буду. Как говорится, какой стол, таков и стул. Придумайте сами, если хотите. Квартира какая-то, да и всё. Не буду я ничего писать про атмосферу, к чёрту, к чёрту.

Тем более, что Она закрыла плотные шторы на окнах и много дней в квартире темно. Не видно ничего. Света нету. Темень. Под окнами узбекский уличный ресторан – шашлыки или чего-то - там жарят-парят, там все сидят под зонтиками, пьют пиво и целыми днями из магнитофона звучит отвратительная, гадкая, гнусная восточная музыка. Вот и всё вам для атмосферы.

Так вот, какая-то квартира, на каком-то этаже, где стоит старый-престарый, запыленный, с клавишами, как на фортепиано, захватанный пальцами автоответчик, стоит себе и говорит, говорит постоянно, с утра до ночи. Кому-то всё время нужен этот человек, который живёт в этой тёмной квартире, почему-то ему все звонят и звонят непрерывно - ну, чего надо?

На кухне на самом высоком шкафу в своей корзинке спит кошка. Ей тоже грустно. Время от времени кошка просыпается, поднимает голову и начинает кричать. Ей кажется, что она одна осталась в квартире и тогда хозяйка подаёт голос, кричит ей: «Зина-а-а! Зина-а-а!» – и кошка, услышав голос человека, успокаивается, засыпает.

ОНА лежит на кровати. Смотрит в потолок, приподнимает иногда голову (волосы спутались, колтуном), пьёт вино из горлышка.

Звонок телефона. Никто ничего не говорит на автоответчик после гудка.

ОНА. Привет. Ну, что? Молчишь, как всегда? Говори давай. Ты откуда-куда-зачем? Чего тебе надобно, ну? *(Пауза)*. Что дышишь, ты, сволочь? Связи нет? Провода намокли? Говори? Кто звонит мне по сто раз в день и молчит? Чего хочешь?! Говори? *(Сняла трубку, кричит)*. Я дома, говори, ну?!

МОЛЧАНИЕ.

Короткие гудки – на другом конце провода положили трубку. Щелчок автоответчика.

Кричит кошка. ОНА кричит ей:

Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Я здесь, спи, Зина, спи!

МОЛЧАНИЕ.

Господи, почему я во сне - то в тюрьме, то на войне? К чему, а? Поди, сбудется когда, вот к чему, к этому ... Посадят меня в тюрьму за что-нибудь – перешла дорогу на «красный», из-за меня сбили человека, нет, десять человек насмерть - непреднамеренное убийство и меня – на нары. Или начнётся война и всех мужиков перепоубивают, начнут баб забирать на фронт, и меня – первую, на передовую, в окоп, и я буду стрелять, стрелять, стрелять, стрелять во врагов - бесконечно. Вот это мне нравится. Это хорошо. Дайте мне автомат! Дайте сейчас, я сяду у окна и буду стрелять по этому долбанному ресторану, в магнитофон прицелюсь, в музыку в подлюю в эту, в мангал или как там эта херота с шашлыками называется, стреляю, чтобы уголья с мясом, с шампурами вперемешку брызнули чтоб в воздух, и всех, кто сидит и жрёт жаренных кошек – на мушку, на мушку, стрелять, стрелять, гадов ...

МОЛЧАНИЕ.

Кричит кошка.

Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Я здесь, спи! *(Пауза)*. Я брежу, Зина. Закат солнца вручную. В Крещение набрала воды в ванную, сказали, что вся вода, которая даже из кранов идёт – святая. Набрала воды, чтоб на год хватило. Утром встала – затычка в ванной есть, а воды нету, вытекла. Это знак тебе, знак. Надо вставать, Мариша. Надо убрать в комнате, надо всё вымыть, вымыть, вычистить, привести в порядок, позвонить на работу, сказать шефу – я такая больная-а! Вы себе представить не можете! Были больные, но таких больных как я – ещё не было. *(Пауза)*. Откуда-куда-зачем. Ой, да пошёл ты. Голос твой слушать, выговора, нытьё. Пошёл ты, слышишь? *(Пауза)*. Марин, да найди ты себе другую работу, а? Чего ты к этой газете привязалась? Журналистка, журналистка ... Оно тебе надо? *(Пауза)*. Нет, не буду я находить себе другую работу. Буду так лежать всю оставшуюся жизнь ... Откуда-куда-зачем. Кто это мне сказал один раз, что работать – безнравственно? Забыла, кто сказал. Но правильно сказал. *(Пауза)*. Вот так, Янка, вот так. А ведь мы ровесницы с тобой, и тебе тридцать семь, а ты уже померла. А я – нет. Старлетка я. Ты поняла это уже? Поняла? Откуда-куда-зачем. Вот привязалось, собака ...

Плачет, смотрит в потолок, курит.

Звонок. Автоответчик пикнул.

ГОЛОС ПАРНЯ. Слушай, Марина, ну ты где? Звони срочно в редакцию. Ты жива хоть, нет? Куда ты делась, я тебя найти не могу третий день. Шеф бесится. Позвони! Я же знаю, что ты дома. Прорезайся, сказал, а то будут неприятности! Пока. Веня.

Гудки. Автоответчик щёлкнул.

ОНА. Пока, Веня. Ты и не знаешь, что я пять минут назад решила покинуть вашу редакцию. Какая бредятина – я журналистка. Откуда-куда-зачем. *(Смеётся)*. Из меня журналистка, как из говна пуля. Чем я занималась всю жизнь? Может, она, моя жизнь, уже кончилась, а я ничем так добрым и не занялась? Делала вид, что мне страшно интересно писать статьи, что я такой талант зарытый, что слов нету. Дура я. Про всё, что я написала, раскопала, открыла, выискала можно сказать: блистательная, восхитительная, изумительная, превосходная, чудесная, милая, трогательная, трогательнейшая, невероятная, невероятнейшая, изумрудная, тончайшая херота на постном масле.

Встала, пошла по комнате, в халат кутается, зевает. Прошла на кухню, открыла воду, попила воды из крана, волосы намочила. Пришла в комнату, встала у окна, отодвинула штору, смотрит на улицу. Лето, вечер на улице тёплый, узбекская музыка играет и играет, дымком тянет в квартиру от шашлыков.

Звонок. Сработал автоответчик, пикнул. Снова кто-то молчит и хрипло дышит в телефонную трубку. Она повернулась от окна. Смотрит на мигающий красным огоньком автоответчик.

Послушай, ты уже почти часть моей семьи, ты позвонил сегодня в сто четвёртый раз, я скажу тебе поэтому сейчас что-то важное-преважное. Я расскажу тебе. Вчера в моей комнате - поднимаю глаза и вижу потолок: лепные потолки. Я когда-то видела такой сон - лепные потолки в моей квартире. Я так хотела жить не в хрущёвке, а в старой квартире с лепными потолками. Удалось. Вот, вчера увидела их, хотя видела их миллион раз уже, увидела и вспомнила: давным-давно я видела во сне, что я буду жить в этой квартире. Будто кто засмеялся в комнате в тихой. *(Смеётся.)* Позавчера шла по улице. Откуда-куда-зачем? Не знаю. Просто позавчера я шла по улице. А-а, ходила в магазин за бутылкой. Иду. Ты слышишь меня? Иду. Вдруг: «Где двадцать седьмая больница?» - спрашивает мужик грязный, на улице, рядом с ним девушка лет семнадцати, может, он отец, потому как на руках у неё будто маленький трупик, ребёнок во что-то завернут и смотрит мужик на меня пустыми глазами, будто хочет, чтобы я не дорогу показала, а помогла, и он не просит, а знает – я помогу, смотрит, стоит, у него какие-то сумки в руках, а она с ребёнком, ложится она в больницу, что ли, поэтому искали больницу, шли туда ... И всё. Он только спросил страшно так: «Где двадцать седьмая больница?» Я так испугалась, что сказала, что не знаю, где она. А больница была напротив, я потом повернулась – они у других спрашивали, где больница. Какие-то дурак и дурнушка. Мороз, холод, пар от машин, домов, утро, снег скрипит и эти двое. Я забыть не могу, всё думаю о них и их ребёнке. Может быть, уже ребёнка нет, может быть, он уже умер за эти три дня. Они шли в больницу и всё. Откуда-куда-зачем ...

МОЛЧАНИЕ.

Ты слушаешь меня? Дыши, дыши. Ну и что ты думаешь? Я вот думаю, что дура я. Чего так озадачилась этим происшествием, дура? Ведь ничего особенного не было. Подошли двое и спросили – как пройти к больнице. Я сказала – не знаю, и всё. А я себе уже напридумывала чего-то, творческая натура. Идиотка. Зачем они меня спросили? Утром, снег – ничего особого, «Где двадцать седьмая больница?» - и всё, а я вот забыть не могу.

На автоответчике – короткие гудки. Потом автоответчик пикнул, замигал лампочкой. И почти сразу снова - звонок телефона. Автоответчик сработал. Пииниик! – гудок, началась запись:

ГОЛОС ПЕРВОГО. Мало на автоответчике, мало времени, минута только, я не смогу рассказать всё, что надо. Надо больше. Мариша, это твой козлик. Вот. Снова и снова звонил тебе. Ты где, ау? *(Смеётся.)*

Она курит. Смотрит в потолок, спрашивает:

ОНА. Ты, сморчага, ты знаешь, что я терпеть не могу мужчин, которые носят тёплое мужское бельё?

ГОЛОС ПЕРВОГО. А женщин? Знаю, ты дома, и ты сказала сейчас, что терпеть не можешь мужчин, которые носят тёплое мужское бельё. Я не ношу. Я спрашиваю: «А женщин?»

ОНА. На что я отвечаю: «У женщин не бывает такого гадкого тёплого белья, как у мужчин».

ГОЛОС ПЕРВОГО. Да? Женщины ходят всё время в колготках - и зимой, и летом. Из тех, что я знаю. Видишь, я тебя так хорошо знаю, мы можем без телефона разговаривать. У нас такая связь с тобой ... *(Смеётся.)*

ОНА. Нет у нас с тобой никакой связи. Откуда-куда-зачем? Чё ты ржёшь-то, сморчага? Сморчага ты самая настоящая. Он пьёт чай и полощет чаем рот. Сказала ему, что это противно, он сказал: «А что, лучше, чтобы зубы были грязные?» Идиот. Сморчага. У нас с тобой физкультура есть и всё. Вернее, была, больше не будет. Не звони, мякиш. Ничего ты обо мне знать не можешь.

ГОЛОС ПЕРВОГО. Женщины всё время ходят в колготках, и зимой, и летом. Из тех, что я знаю. Правда, есть женщины, которые носят синие трусы тёплые с начёсом. *(Хохочет)*. Ну, сейчас кончится моё время, а к чему я про трусы говорил - сам не знаю, придёшь, позвони, мне нужно что-то было тебе ска ...

Автоответчик пикнул, щёлкнул, запись остановилась. Она легла на кровать, смотрит в потолок. Кричит кошка.

ОНА. Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Я здесь, говорю, спи! *(Пауза)*. Ага. Как же, как приду, так сразу позвоню. Откуда-куда-зачем? Ну вот и чего звонил? Они все так. Зачем звонят – не знают. Говорить просто им надо куда-то, в пустоту, не слушают, не слышат, сами себе отвечают. Чего надо было тебе, ты, старче?

Пьёт вино из горлышка. Кричит кошка.

Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Я здесь, спи же ты! *(Пауза)*. Ненавижу свою квартиру. Потому что она хоть и с лепными потолками, старая, а маленькая. В ней потолки какие-то маленькие. Лепнина эта давит. Крохотные потолки. В потолках в этих не мечтается. Где большие потолки, там ляжешь на диван - и мечтай, мечтай, а тут только и можно, что впасть в некую задумчивость, но не мечтается, зараза, хоть помри.

Молчит, смотрит в потолок, курит.

Буду рисовать на потолке. О, хорошо придумала! Развлекись, Мариша. Нарисую пальцами в воздухе. Нарисую свой автоответчик. Ага, правильно. Он битком набит, как змейками, голосами, разными, гнусными и негнусными, всякими разными и пререзными, ненавистными, вот я его и рисую, змеястого. Он мой ответчик за всё. Он за всё ответчик. Он за меня отвечает. Откуда я иду, куда я иду, зачем я иду? Он знает всё. Они знают всё. Откуда-куда-зачем? Откуда-куда-зачем? Откуда-куда-зачем? Я вот не знаю, а они всё знают за меня.

Звонок телефона, автоответчик пикнул, голос:

ГОЛОС ВТОРОГО. Милая, ты дома? Возьми трубку, я же знаю, что сейчас лежишь на диване и смотришь в потолок и мечтаешь, вернее, впадаешь в мечтания, вернее, общаешься потолку, что он низкий, что вот если бы у тебя была бы другая квартира, то ты могла бы не впасть в задумчивость, а мечтать и от того все твои беды, ведь так? Возьми трубку, мне надо что-то тебе сказать?

ОНА. Откуда-куда-зачем. Не тарихти. Пошёл к чёрту, старый дурак. Дурак не идёт в овраг и не лечится.

ГОЛОС ВТОРОГО. Милая, ну неужели ты обиделась на меня, ну за что, за что обиделась, скажи?

На улице музыка, голоса, пошёл летний дождь, и дождь колотит звонко в зонтики, которые прикрывают столики.

Возьми трубку, сказал? Я же знаю, ты дома, ну?

Автоответчик пикнул, щёлкнул, оборвалась связь.

ОНА. Потрясающе. Слушай, а ты заметила, Маринка, что все всё про тебя знают, все могут говорить с тобой, не слушая тебя, не соединяясь? Это как так? Они сами с собой разговаривают! Вот в чём дело! А меня-то и нет. Откуда-куда-зачем я им? Меня и не надо. Если бы даже я умерла, они всё равно говорили бы со мною. *(Хохочет)*. Слушай,

потрясно как! А они слушают, что там сказано, нет? Они вообще слушают, что я там наговорила на автоответчик?

Нажала какую-то кнопку на автоответчике. Звучит её голос, немного искажённый записью:

«Я умерла три дня назад. Оставьте сообщение после гудка».

Писк автоответчика. Она хохочет.

Никто не слышит. Изменим-ка, да, милый?

Нажимает кнопку «Запись» на автоответчике. Говорит в микрофон:

Откуда-куда-зачем? Чего надо? Не звоните, сволочи. Я вас всех ненавижу. Ненавижу всех до одного. Будьте вы прокляты все. Все до единого. Проклятье моё всем вам. Будьте прокляты, слышите?!

Нажала какую-то кнопку на автоответчике, тот пискнул. Крутится лента.

Он принял в себя мою речь. Будто сказал, миленький: «Пиииииик! Я взял! Я услышал!» Ты всё слышишь. Мой хороший. Ты всё знаешь. Тебе все звонят, ты всем за меня отвечаешь, ты меня любишь, ты меня защищаешь от них, охраняешь от пустых разговоров. Ты как кошка моя, Зинка, которая всё видит, слышит все мои слова, всё, что я говорю с разными людьми сплетничая – с одним одного обгаживая, с другим – другого, а ты молчишь, верный слуга, молчишь, только глазком красным мигаешь – мол, я с тобой, я за тебя, я всё понимаю. И ты знаешь точно: есть одна жизнь, которую я рассказываю всем и про которую, как им кажется, они всё знают, и есть другая жизнь – моя, настоящая, а это – ночь, комната, диван, потолок, узбекская музыка до утра, кошка кричит и я – в потолок гляжу открытыми глазами. Встретила на похоронах благоверного своего – полгода как расстались – его-то как занесло к Янке, не знаю? – ну, не вынесла душа поэта, уколол, порезал, сообщил: я нашёл себе новую любовь, истинную. Мол, не пропал без тебя, притулился, нашел уже себе. Шепнул-таки на ухо, затем, видать, и пришёл. Полгода прошло со дня конца великой любви нашей. И целы башмаки, в которых шла за гробом. Уколол, порезал, сообщил, бздо цэрэушное. *(Смеётся)*. Ладно. Пусть ему будет хорошо. Так. Пока у нас пауза, пока никто не звонит, дай мне послушать Янку, на другой стороне плёнки, там сохранилось, да? Ты дашь мне её голос послушать, милый?

Достала из автоответчика кассету, перевернула, включила – слушает.

ГОЛОС ЯНЫ. Привет, Маришка. Это Яна. Ты, наверно, сильно удивишься, что я позвонила тебя. Мы с тобой сто лет не виделись, а точнее – со школы, это значит – страшно подумать, двадцать лет. Мне сейчас тридцать семь, и тебе тоже ... Говорят, это опасный возраст – хотя, нет, он для мужчин опасный, не для женщин ... *(Смеётся)*. Ну вот. Что же я хотела сказать? У тебя, наверно, на автоответчике всего минута, чтобы записать, а я уже две проговорила, что же я хотела тебе сказать? *(Пауза)*. Ты позвони мне, ладно? Знаешь, я очень болею. Может, ну не знаю ... Мы с тобой и не дружили особенно в школе, а просто ... Я хочу со всеми поговорить на прощание почему-то ... На прощание, слышишь, Марина?! *(Пауза)*. Что он у тебя не отключается? Автоответчик твой почему не отключается? Ты позвони мне, позвони обязательно, может – больше не увидимся, слышишь? Может, ты в последний раз слышишь меня и больше никогда? У меня нет истерики, Марина, я нормально отношусь к этому. Просто жить охота ещё, а не выходит, и не знаю почему – все останутся жить, а меня не будет уже, так? Позвони мне, слышишь? Позвони, да? Ты помнишь, Маринка, тогда, давным-давно, я иконку тебе подарила, маленькую такую, ты помнишь? Ты мне книжку подарила на день рождения, стихи Цветаевой, да? А я тебе в твой – иконку? Она где у тебя, она у тебя жива? Маринка? Ты слышишь меня? Ты молись за меня, ладно, Маринка? И позвони мне, позвони обязательно, ладно, Маринка?

Автоответчик пищит, выключается. На автоответчике мигает лампочка. Она смотрит на лампочку. Молчит.

ОНА. Ну и почему ты не выключился? Почему ты ей дал договорить до конца?

Автоответчик пищит.

А-а, ты ждал, что она оставит номер телефона? А она не оставила, забыла. Откуда-куда-зачем ... Забыла сказать. Я пришла домой, послушала запись – нет телефона, некуда перезванивать. Ну, подумала – истерикует чего-то баба, да и кто она мне? Чужой человек. Это было месяц назад, у меня своих проблем море, благоверный кинул, ушёл. А три дня назад позвонил её муж и позвал на похороны. Мой телефон у неё был записан в книжке. Ну, пошла я на похороны. Пошла. И вот, что?

Ходит по комнате, молчит. Подошла к книжным полкам, из-за стекла достала маленькую иконку, держит её в руках, подносит близко-близко к глазам, отводит от лица.

Вот она, иконка, Янка. Я нашла её. Она у меня тут всё время стояла, оказывается, сто лет, я и забыла, откуда она у меня появилась. Сейчас вот вспомнила. Надо же. Какая красивая.

Поставила иконку на место. Ходит по комнате. Открыла шкаф. Поискала там что-то, нашла. Надевает на себя чёрное с блёстками, обтягивающее тело, платье.

О-о, что я нашла! Я как змея стала. Змея из автоответчика. В этом меня похоронить надо, красивая буду ... Точно! И зачем я его купила? Лежит пять лет. А я не поправилась, нет, Зина. Похудела наоборот. Правильно - один к старости пухнет, другой сохнет. Точно. Второе – про меня. *(Пауза, подошла к зеркалу)*. Господи, мне тридцать семь. Развалины Рима. Нет, нет, спокойно, это не опасно. Это только для мужиков опасно, закон. Не надо думать о плохом, Маринка. Зина, молчи, молчи, Зина!

Молчит. Включила настольную лампу. Снова смотрит в зеркало, рассматривает своё лицо, волосы. Подошла к магнитофону, включила музыку. Слушает. Музыка с улицы звучит громче. Она пьёт вино, курит. Выключила магнитофон.

Слушай, это что было? Я с тобой разговаривала? Или с Зиной, что ли?

Смотрит на автоответчик. Автоответчик пикнул.

Ты живой?

Автоответчик пикнул.

Откуда-куда-зачем? У меня белая горячка. Сейчас начну говорить с Зиной, потом с холодильником.

Автоответчик молчит. Звонок. Автоответчик пискнул. Кто-то молчит в трубку, дышит тяжело. Короткие гудки. Снова звонок телефона. Автоответчик включился, и опять кто-то там молчит и дышит, не говорит ничего.

Ну, что? Опять ты? Будем молчать? *(Молчит.)*

В трубке дышит кто-то – хрипло, тяжело.

Я знаю тебя. Я знаю тебя. Ты - мой ответчик. Ты мой автоматический ответчик за меня. Ты пришёл призвать меня к ответу, так? Ты пришёл за мной, так, нет? Ты моё, так, нет? Откуда я шла, куда я шла, зачем я шла?

Кричит кошка.

Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Я здесь, сказала, спи уже, не пугай меня! *(Пауза)*.

Звонок телефон.

ГОЛОС ПЕРВОЙ. Ну, ты возьмёшь трубку или нет? Мне надо сообщить тебе что-то важное, срочное, быстрее, возьми!

Первая начинает что-то говорить быстро, истерично, слов не понять. Она встала, ходит по комнате, говорит громко, перекрывая голос Первой.

ОНА. Откуда ты, куда ты, зачем ты мне? Послушай, хоть секунду перестань ты болтать и рассказывать мне одновременно о своих методах лечения одновременно и запора, и невроза, послушай, послушай! Ты всю жизнь говоришь, что если болеешь – надо подышать над картошкой. От всех болезней – подышать над картошкой. Потому что так ближе к природе! Послушай, давно тебе хотела сказать – ты дура! Дура набитая, понимаешь? Ты меня слышишь? Вот ведь дура. Слушай, ты, дура, ты моя лучшая подружка, я с тобой всё время болтаю по телефону ни о чём, а ведь ты – дура подлая, набитая, зачем я с тобой дружу – ты же не слышишь меня, только себя, нет?

ГОЛОС ПЕРВОЙ. Что?

ОНА. Надо же, услышала, наконец.

На улице стучит дождь в зонтики, играет музыка, смеются люди.

Послушай, у нас на улице узбеки открыли шашлычную, лето, и там с утра до ночи играет узбекская музыка – будто тут восток. Я не могу спать, я не могу ничего, там всё время играет музыка, и мне кажется, что я умерла, а все веселятся на моих похоронах, я не могу так жить, послушай, послушай, к чему я это говорю, что я говорю?! Почему они все сидят на улице? Я знаю: есть задание вести лёгкий средиземноморский образ жизни. Им приказал кто-то свыше. Мода такая стала. Они сами ничего не могут. Раньше всё на кухнях чего-то сидели, теперь – лёгкий средиземноморский образ жизни. Мне что делать, чтобы они заткнулись? Подышать над картошкой? Это поможет? Тогда я перестану сходить с ума? Слышишь?

Короткие гудки на автоответчике. И сразу снова звонок. Автоответчик пискнул.

ГОЛОС ВТОРОЙ. Марин, что ты так разнервничалась на похоронах? Что ты кричала, когда напилась? Она был обыкновенный человек, ничего выдающегося в ней не было, она была простой бабой, не гений, да, не без способностей, ну и что, случайно умерла, заболела, нелепо и глупо, жалко, вместе ходили в школу, ну и что? Пойми, смерть необходима. Она формирует жизнь и судьбу. Так говорят умные люди. Так и надо к этому относиться. Ты чего?

ОНА. А ничего. Какая ты у нас умная. Сто книжек прочитала. *(Смеётся.)* Откуда-куда-зачем? А действительно - что? Умер Максим – ну и хрен с ним. Человек помер, а я в связи с этим взяла, да и отключила телефон, на автоответчик заперлась, отвечай за меня он, не я. Да. Сто книжек прочитала, а дура всё равно.

ГОЛОС ВТОРОЙ. Прекрати, включайся ты, или я буду стучать в двери до умопомрачения! У нас сегодня выходной в институте, я приду к тебе, и мы с тобой посидим, как-то убьём время, ну, с чего ты так разнервничалась? Ты мне сделай дзынь-брынь – позвони, ага?

ОНА *(смеётся)*. Это сейчас она разыграла спектакль: «Ты меня забыла и бросила», а я сыграть должна была спектакль: «Я не забыла тебя, моя лучшая подружка, а я просто устал как собака и всё, прости, давай поболтаем!» Вот и театр женской радости – всем по роли досталось. И так – каждый день, театральные будни.

Гудки, телефон отключился.

Она открыла шторы на окне, и в комнату упал вечерний свет улицы. Она стоит у окна, смотрит на мокрые зонтики.

Ничего, действительно, не случилось. Только мне кажется, что это меня положили в постель, в земляную постель, в эту гробину меня засунули. И я там лежу теперь на глубине три метра или на сколько там положено метров зарывать таких, как я, дур, чтобы они не воняли. *(Пауза)*. Знаешь, я заметила, что в запое и в убийстве есть что-то общее, ты слышишь меня, мой автоответчик? Никогда не убивала никого, но могу себе

представить, как он втыкает нож в горло другому, что испытывает от мысли, что ничего поправить нельзя и что происходит в душе в это время у убийцы, какой туман лезет в него от того, что это произошло и уже не поправить. И в запое есть что-то близкое с убийством - упиться так, чтоб убить всё и вся. *(Пауза)*. Нет, не то. Не то я говорю, не то, Янка.

МОЛЧАНИЕ.

Позавчера утром проснулась в пять утра. Откуда-куда-зачем шла по ночи, во сне? Проснулась вот. Мне что-то стало плохо, сердце, корвалол, и снова кошка кричала, а я ей в ответ. Встала. Выпила лекарства килограмм, снова легла, не могу уснуть. Было ровно пять утра. Потом выяснилось, что умерла она в это же время, в пять утра, муж её спал пьяный или с кем-то там он спал, детей у них не было, и вообще - неизвестно, где он был. Пришёл ночью, а ей некому было подать лекарства или чай, она не могла дотянуться, просила его дать воды, он не дал, и она умерла. А я проснулась именно в этот момент, не раньше, не позже. А в десять мне сообщил её любимый – он тоже скоро притулится, прижмётся к кому-то и всё забудет - сообщил, что она умерла. *(Пауза)*. И вот уже сколько дней подряд я просыпаюсь в пять утра и снова мне так же плохо, и снова кричит кошка. Я думаю: а кто сегодня умер, кто-то снова умер, и вот сколько дней подряд я не могу, я просыпаюсь рано утром, кто-то умирает рано утром, а кто, где, я жду десяти часов, чтобы поднять трубку после звонка и услышать, что кто-то умер. Что сделать, чтобы спать, я напиваюсь, я пью много, чтобы заснуть и проспять много-много часов и проснуться спокойно, пусть с головной болью, с мыслями о моём плохом самочувствии, но не с тем, что кто-то снова и снова умер и, может, мой ровесник, моего возраста, Бог мой, моя жизнь, также же жил он, как и я, и вдруг - ни с того, ни с сего - смерть ...

Звонок телефона, начинает говорить один мужчина, потом вдруг в его речь врывается другой мужчина - что-то замкнуло в телефонной связи.

ПЕРВЫЙ. Алё, Марин, это я.

ВТОРОЙ. Кто ты? Ты куда звонишь? Кому? Откуда? Зачем?

ПЕРВЫЙ. Марине. А ты кто?

ВТОРОЙ. Мы с вами незнакомы, чего ты мне тыкаешь? Мне Марина нужна.

ПЕРВЫЙ. Откуда-куда-зачем? С чего тебе? Она мне нужна.

ВТОРОЙ. Мне больше.

ПЕРВЫЙ. Отвали.

ВТОРОЙ. Что? Это что? Может быть так, чтобы так что-то ломалось в телефонной связи? Ты, козёл, отвали! Марина, он кто, ты пошли его подальше, слышишь?

ПЕРВЫЙ. Сам козёл. Отстань от неё.

Автоответчик щёлкнул, пискнул – короткие гудки. Она смеётся, ходит по комнате, расставляет руки в разные стороны, как слепая или словно играет с кем-то в жмурки. На улице всё также играет музыка и идёт дождь. Кричит кошка.

ОНА (кричит, что есть силы). Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Зина-а-а-а! Я здесь, спи!

Пауза, звонит телефон, кто-то молчит и дышит в трубку.

Молчишь? Молчи. Надо вставать. Надо вставать ... А надо? Откуда-куда-зачем вставать? Я хожу по комнате, а говорю себе: «Надо вставать». Это значит – надо просыпаться, надо жить дальше. Надо жить. Зачем? Мне всё всегда надо быстрее привести в порядок: ручку дописать, бумагу исписать, и отношения со всеми

прикончить - быстрее к концу, чтобы был во всём порядок. Да как же это вышло-то, что всё шелками вышито судьбы моей простое полотно, а? Как так вышло, что я никому не могу довериться и доверить, всё с прицелом - я тебе, ты мне, ни одного бескорыстного человека, а? Зина, давай уедем за границу. Уедем, автоответчик возьмём с собой, ага? Уедем на какие-нибудь острова, я поеду бэбиситором, а вы со мной, а? С Зиной я буду больше производить хорошего впечатления, давай, а? Подходим к любому дому там, на островах, ты у меня в корзинке, я скромная, стою, стучусь, или звоню и говорю: «Так жрать охота, что даже выпить нечего и ночевать негде. Мы из России, две беженки. Бежим сами от себя. Возьмите нас бэбиситорами, а? У вас есть дети? Ну и хорошо. Мы к вам, значит». Правильно, правильно. Или нет – работать безнравственно. Мне надо остров купить в океане, остров, на котором мне, как приеду, надо будет умереть сразу – и меня положат на горе высокой и ветры будут обдывать меня, а через три дня сожгут по-индийскому обычаю, вот, да. Остров будет в Индийском океане. Осталось только денег поднакопить. О, прекрасно, прекрасная мысль – скалы, безлюдный остров, ни телефона, ни электричества, шалаш, и мы с Зиной в нём сидим, идёт тропический ливень, но у нас в шалаше горит костерок, нам тепло и тихо, мы одни в мире, на безлюдном острове, да? Что ты сказала, Зин? Договорились. Так и сделаем. *(Пауза)*. Ты слушаешь меня ещё? Знаешь, я не сошла с ума. Это всё кошка. Кошка кричит время от времени, а я подаю ей голос. Бедная кошка чувствует меня, не играет, не ходит, спит целыми днями. Просыпается и кричит – думает, я ушла уже куда, бросила её. Я кричу ей, она успокаивается и засыпает. *(Пауза)*. Или, может, у неё что-то болит, а я придумала про одиночество, а на самом деле всё совсем не так. А она вот возьмёт и тоже умрёт и что тогда? *(Пауза)*. Не знаю. Ничего не знаю.

Короткие гудки. И сразу же снова звонок. Щелчок автоответчика.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Маринка, такая радость! У меня командировка! Меня отправляют напрямую контакты заключать в Египте! По нашему профилю! Я так рад! Звони! Это я, твоя Галюньчик.

ОНА. Вот ведь Трындычиха, не замолкнет. Поехала контакты напрямую по нашему профилю налаживать ... Откуда-куда-зачем ... Приедет без контактов, но загорит, купит турецкий ковёр и тряпок по дешёвке. Контакты напрямую ... Зелёные крылья мухи на куче дерьма – вот твои контакты. Решила убить меня тем, что у неё халява. Да пожалуйста, все уедте. Тоже ведь даже не услышала, что я сказала – это надо же, а? Они меня не слышат, не слышат!

Короткие гудки. Она ходит по комнате. Машет руками.

Сухо как. В квартире летает везде кошачья шерсть. Как её много. Спи, Зина, спи. Спи, Яна, спи, Яночка. Покойся прах до радостного утра.

Ходит по комнате. Снова звонок, снова кто-то молчит, дышит в трубку.

О, ты опять? Ну? Ты слышишь меня, да? Не дадут нам поговорить. Ну вот, слушай. Я позавчера потеряла кольцо с молитвой. Упало где-то. Слышишь? В автобусе, что ли, свалилось с рук и всё – нету. И в тот же день, там же на похоронах, на кладбище подходит сумасшедшая старуха и протягивает мне точно такое же кольцо, серебряное, на нём написано: «Спаси и сохрани». Отдала, замахала руками – мол, не смей отказываться и где-то в толпе исчезла.

МОЛЧАНИЕ.

Вот ведь бред. Или мне приснилось всё? Нет. Вот оно, кольцо. Вот она, иконка от Янки. Спаси и сохрани. *(Пауза)*. А-а, вот. Я поняла, я поймала теперь. Я с этого момента и поехала с коньков, запила. Точно такое же кольцо, будто моё. Ты слышишь меня?

Только не на мизинец, а на безымянный. Молчишь? *(Пауза)*. И написано на нём – «Господи, спаси и сохрани меня». Это что это значит, а? Ты знаешь? Надо же, тебе, как и Янке, автоответчик даёт не минуту, а сколько ты хочешь. Вот сколько хочешь, столько и дыши на плёнку. Я не знаю, откуда ты, куда ты, зачем ты, но ты слушаешь меня ...

Лента на автоответчике крутится, в трубке молчат, дышат хрипло.

Всё, хватит, стоп. Я сойду с ума. Я понимаю, что ты старый знакомец, но моя запись и для тебя была предназначена. Ты слышал? Ты слышал, что я сказала? Давай закончим наши с тобой отношения, я больше не хочу твоих звонков. Ты слышишь, я знаю. Давай закончим? Мне всё быстрее привести в порядок – быстрее к концу, к концу скорее, чтобы был во всём порядок. Наши отношения прикончим. В смысле, чтобы я была одна опять. Как и должно быть. Понимаешь? Не звони больше, не пугай меня, ладно? Хватит, да? Расстанемся друзьями, без скандала, да? Я ведь тебе всё рассказала, ты теперь про меня про настоящую всё знаешь, ну и чего тебе надо, ступай, да? Не звони. Я сказала вам всем - будьте прокляты, не нужны мне. Мне бы только чтоб Бог меня спас и сохранил, а вас всех – не надо, мне не надо, понимаешь? Откуда-куда-зачем сохранил? Не знаю. Ничего не знаю. Но так надо.

Молчание, в трубке дышат.

ГОЛОС ЯНЫ. Хорошо. Пока, Марина.

Короткие гудки. Она молчит. Смотрит на автоответчик, слезы вытирает. Взяла иконку, села на пол, плачет, смотрит на икону, шепчет:

ОНА. Откуда-куда-зачем, Господи?! ... Откуда я иду, куда я иду, зачем я иду, кто-то слышит меня или нет?! Кто-то может меня услышать или нет? Кто-то слышит меня или нет?!

Встала, пошла по комнате, стоит у окна. На улице всё тот же дождь. Восточная музыка звучит сильнее, громче и вдруг обрывается. Она стоит у окна. Скинула с себя платье, набросила на плечи халат, кутается в него.

Откуда-куда-зачем ... Откуда-куда-зачем ...

Звонит и звонит телефон, но автоответчик не включается – лента переполнена.

Откуда-куда-зачем ...

На улице включили фонари, Она стоит на фоне окна, и вдруг становится ясно видно, какая Она, как выглядит: тонкие ноги, старые тапочки, спутанные волосы – жалкая ворона. Она стоит, смотрит на фонари, на дождь за окном.

Темнота

Занавес

Конец

апрель 2003 года,

с.Логиново